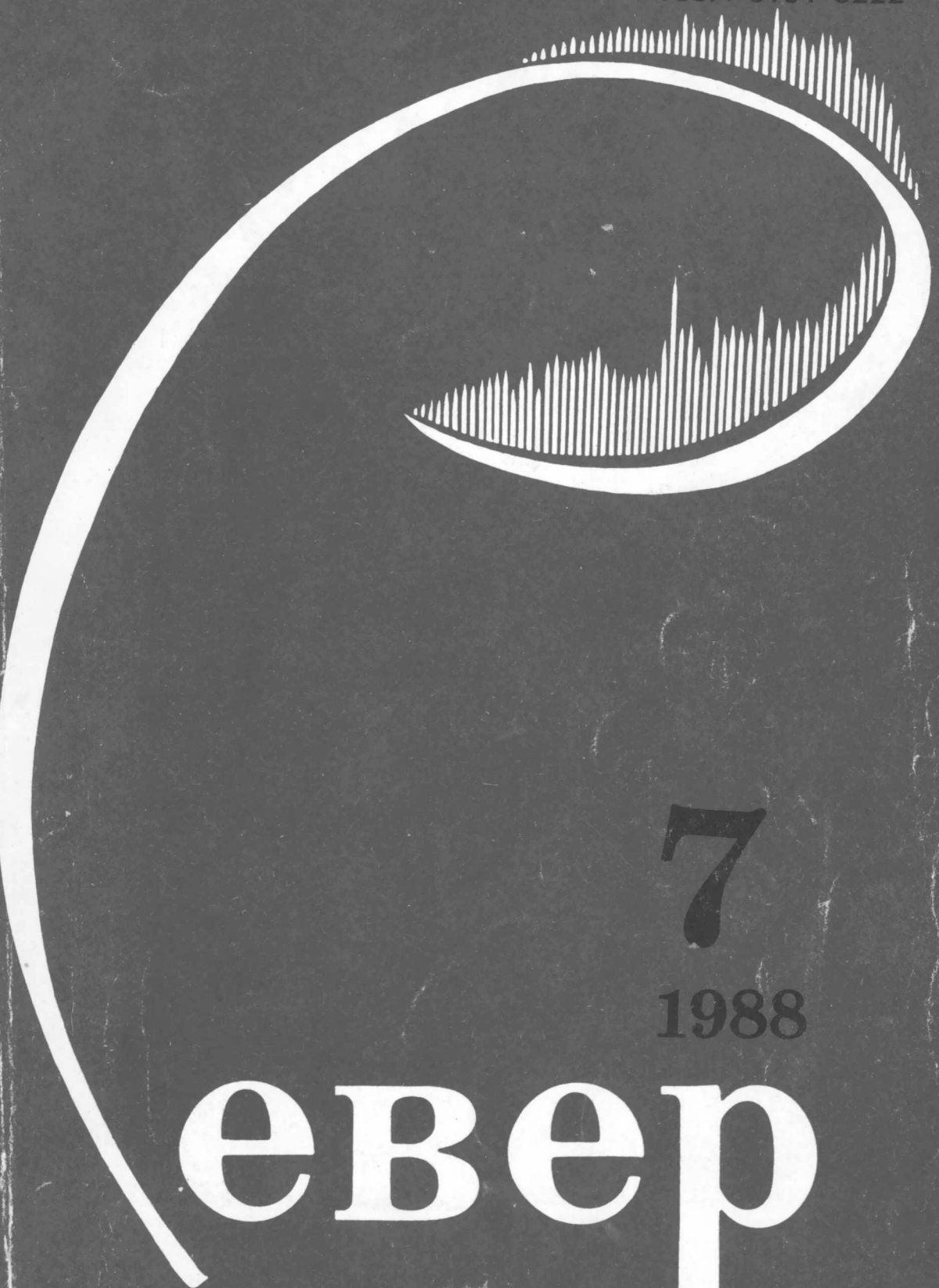

ISSN 0131-6222

7

1988

евер

Г. М. КЕРТ

Георгий Мартынович КЕРТ родился в 1923 году в Ленинградской области. Участник Великой Отечественной войны. В 1950 году окончил Ленинградский государственный университет. Работает старшим научным сотрудником в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР. Доктор филологических наук.

ЯЗЫК—ПЕРВООСНОВА КУЛЬТУРЫ

(О судьбах карельской письменности)

МОЛОДОМУ Советскому государству осталось после Октябрьской революции уникальное наследие — 130 наций и народностей в составе советской республики. Учитывая многонациональный состав Российской империи, партия большевиков, и особенно Ленин, разрабатывали свою программу по национальному вопросу, которая, естественно, входила составной частью в марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы.

Еще до Октябрьской революции В. И. Лениным были провозглашены основные положения национальной политики социалистического государства, главными принципами которой являются право наций на самоопределение и свободное развитие каждого языка. «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству! — вот принцип демократии» (В. И. Ленин, ПСС., т. 23, стр. 150).

О том, какое большое значение Ленин придавал национальному вопросу, говорят его последние статьи «К вопросу о национальностях или об «автономизации», когда вопрос из чисто теоретического стал насущной практической потребностью.

Следует подчеркнуть особую важность этих статей в концепции Ленина по национальному вопросу, так как они были последними в его жизни и воспринимаются советским народом и партией как политическое завещание.

В задачу этой статьи входит анализ языковой ситуации в Карельской АССР, выявление комплекса мер, которые, по нашему мнению, могли бы дать импульсы развитию национальной культуры.

Прежде чем освещать эти вопросы, необходимо хотя бы кратко дать картину того исторического процесса, который привел к существующему положению, и основные сведения по карельскому языку.

Примерно в I тысячелетии до н. э. (а может быть, несколько раньше) к Балтийскому морю стянулось население, которое принято называть прибалтийско-финским, — языковые предки современных карелов, финнов, венгров, эстонцев и др. Некоторые ученые предполагают, что побережье Прибалтики было заселено прибалтийско-финскими племенами уже в III тысячелетии.

Как этническое образование племя корела начинает выкристаллизовываться до IX века. Профессор Д. В. Бубрих отмечает: «Первое упоминание Корелы как Kirjala содержится в Эгиль-саге, которая, хотя записана довольно поздно, признается хорошо отражающей старину. Согласно этой саге, в 874 году разгорелась война между квенским вождем Фаравидом (квены были выходцами из ями, действовавшими у северной части Ботнического залива) и Корелой». В русских источниках первое упоминание о племени корела зафиксировано в Новгородской Первой летописи под 1143 г. «В то лето ходиша Корела на емь». Территориально племя занимало западное побережье Ладожского озера, так называемый Карельский перешеек. К XII—XIV векам племя корела как сложившаяся этническая общность с ярко выраженной материальной культурой и фольклорно-этническими традициями окончательно сформировалось. Уже к этому времени можно говорить о связи карелов с русским государством. В XIII веке активно проходило крещение карелов в православную русскую веру. Летописные данные свидетельствуют, что в 1227 году Ярослав Всеволодович «крести множество карел». Однако это крещение проходило без жестокого насилия, свойственного крестовым войнам Запада. В целом это был прогрессивный процесс для карелов. В XII веке продолжался процесс консолидации и роста этнического самосознания карелов. Корела уже позволяет себе внешнеполитические акции, о чем свидетельствуют схватки с Ямью,

а также поход и разрушение шведского города Сигтуна.

Противостояние Руси и Швеции определило политическую ориентацию Корелы — сблизило ее с Русью. Ореховецкий мир (1323 г.) закрепил политический водораздел между финским и карельским народом. В состав финского народа вошли: 1) Суоми (русс. Сумь), 2) Хяме (русс. Ямь) и 3) две группы корелы (привыборгская и присайменская). В состав карельского народа вошли: 1) основные группы Корелы и 2) две группы племена Вепся, которые образовали карел-ливвиков и карел-людиков.

Впоследствии формирование карельского народа шло относительно медленно. Он был разбросан по очень обширным территориям. Экономические связи среди различных групп карелов были слабы.

Лишь в XVI-XVII веках в связи с добычей железной руды в Заонежье создавалась на некоторое время экономическая ситуация, приводившая к некоторой консолидации диалектов.

После Октябрьской революции создались благоприятные условия для консолидации, формирования карельского народа. Вышедшие в первые годы Советской власти декреты по национальному вопросу и особенно создание Карельской трудовой коммуны создали хорошие предпосылки для превращения карельской народности в нацию. Однако в последующем искривления в национальной политике, характерные для периода культа личности Сталина, изменения в инфраструктуре промышленности КАССР затормозили этот процесс. Этому способствовало также длительное отсутствие письменности у карельского народа.

Диалекты карельского языка в их современном состоянии хранят следы той сложности, которая характеризует процесс складывания карельской народности. В советском финно-угорском языкознании в зависимости от территориальных особенностей принято следующее деление карельского языка. Карельский язык содержит три наречия: собственно карельское (в средней и северной Карелии, а также в Калининской, Ленинградской и Новгородской областях), ливвиковское (у восточного побережья Ладожского озера и дальше в глубь Олонецкого перешейка) и людиковское (узкой полосой вдоль восточного края ливвиковского наречия, недалеко от Онежского озера). Собственно карельское наречие — это прямое продолжение языка племени корела. Ливвиковское и людиковское наречия заключают в себе в разных пропорциях признаки языка племени корела и племени вепся. Наречия разбиваются на диалекты, а те, в свою очередь, на говоры. В некоторых ареалах распространения карельской речи наблюдается резкое противопоставление собственно карельской речи, с одной стороны, и людиковской, с другой, настолько существенное, что иногда затрудняет взаимопонимание представителей этих наречий.

В основу территориального членения карельской речи положена принятая в советском языкознании иерархия территориальных языковых единиц. Наречие — наиболее крупная единица диалектного членения языка, представляющая совокупность диалектов, объединенных общими признаками. Диалект —

разновидность языка, которая характеризуется относительным единством системы (фонетической, грамматической, лексической) и используется как средство общения в коллективе, находясь на определенной ограниченной территории. Говор — мельчайшая часть диалекта, однородная по своим языковым чертам. Говор является средством общения жителей очень ограниченной территории или даже одного населенного пункта, например, деревни.

Вопрос о диалектном членении языка не является чисто академическим. Понятие языка, диалекта основывается не только на чисто лингвистических критериях, но и в каждом конкретном случае на общественно-исторических и политических условиях формирования той или иной языковой общности, этнографических, географических и других критериях. Об этом приходится напоминать в связи с классификацией карельских диалектов, предложенной финским ученым профессором П. Виртаранта. В своей статье «Диалекты карельского языка» он дает следующую схему диалектного членения: I — северно-карельские, или беломорско-карельские диалекты; I—II — диалекты, переходные между северно- и южно-карельскими; IIА — южно-карельские; IIБ — карельские языковые островки в русском языковом окружении; III — олонецкие диалекты.

Как видно, схема членения карельского языка в значительной степени отличается от принятой в советском языкознании классификации. Прежде всего бросается в глаза отсутствие в предлагаемой схеме людиковского наречия. Безусловно, фонетические и морфологические отличия людиковского наречия от собственно карельского значительны. Вместе с тем автор статьи не высказал своего мнения относительно принадлежности людиковского наречия к вепсскому языку. По существу из статьи можно сделать заключение, что людиковское наречие представляет собой самостоятельную единицу. Различие между вепским языком и людиковским наречием П. Виртаранта видит лишь в большем влиянии русского языка на вепский, чем на людиковское наречие. С этим выводом, безусловно, нельзя согласиться. П. Виртаранта совершенно не учитывает историко-этнические процессы сложения карельского народа, тот факт что представители людиковского наречия находятся длительное время в рамках карельской государственной автономии и считают себя карелами по отношению к лицам другой национальности, будь то русский, финн или белорус.

Однако и собственно лингвистические критерии автором классификации не выдерживаются. Так, группа диалектов IIБ «Карельские языковые островки в русском языковом окружении» выделена им лишь по чисто географическому принципу. В своих основных закономерностях диалекты карельского языка на территории Ленинградской, Новгородской и Калининской областей совпадают с собственно карельскими диалектами на территории КАССР.

В статье наблюдается необычное употребление укоренившихся в советской литературе терминов. Так, ареал распространения карел Тунгуды, Ругозера, Падан, Ребол, Суоярви называется автором южно-карельским. Между тем как в советской лингвистической,

так и в этнографической и фольклорной литературе карелы этого района относятся к группе средних карел. Южными же карелами называются представители ливвиковского и людиковского наречий, поскольку они географически расположены в южной части Карелии.

Таким образом, классификация П. Виртанты ввиду недоучета историко-этнографических (этническое и историческое самосознание карел), политических (длительное пребывание в составе Карельской автономии) критериев страдает серьезными недостатками. К этому следует добавить и некорректное использование им лингвистических данных.

Карельский язык является одним из древнейших в семье прибалтийско-финских языков. Это самостоятельный язык, отличный от последних как по своей структуре, так и культурно-историческому развитию. Он веками служил средством общения древнего народа, вобрал в себя громадную информацию о духовной и материальной культуре его и до настоящего времени является выражением духовной жизни карел.

Язык — первоэлемент и величайший памятник духовной культуры. На карельском языке созданы богатейшие памятники народного творчества — сказки, предания, былины, эпические песни, пословицы, поговорки, ярко выражающие самобытность народа. Карельский народ сохранил и подарил миру эпические песни, на основе которых Элиас Лённрот создал «Калевалу», которую М. Горький по значимости мог сравнить с «Илиадой» Гомера. О богатстве и выразительных возможностях карельского языка говорит и тот факт, что лексический арсенал только одного коткозерского диалекта составляет более 20 тысяч слов. В настоящее время в Финляндии вышло три тома шеститомного словаря карельского языка, в основе которого лежит собственно карельское наречие.

Необычайно широки у карельского языка и эстетические возможности. Словообразовательные суффиксы и особенно их сочетания способны придавать производному слову многочисленные, удивительно тонкие семантические оттенки. Убедительным подтверждением этому являются опубликованные в последнее время стихи Владимира Брендоева и его переводы русских и советских поэтов на карельский язык.

Карельский язык, будучи первоэлементом культуры, пронизывает, естественно, и различные этнографические сферы. Словесная жизнь великолепно раскрывается, например, в различных циклах семейной обрядовой поэзии (свадебной, родильной, погребальной). Наиболее богат свадебный цикл, дающий много материала для изучения истории семьи. В обрядовой поэзии содержатся образцы природы, трудовой жизни человека, картины семейного быта и т. д.

В чем же причина того, что народ, имеющий ярко выраженное этническое и историческое самосознание, обладающий структурно и функционально развитым языком, не имеет своей письменности, своего литературного языка? Однозначно на этот вопрос невозможно ответить. Причины можно объяснить теми крутыми поворотами истории, в эпицентре которых оказался карельский народ, наконец, теми деформациями в нацио-

нальной политике, которые имели место у нас в условиях культа личности.

Образование Карельской Трудовой Коммуны в 1920 году создало хорошие предпосылки для развития национальной самостоятельности. При общей численности населения в 144393 человека 60 процентов составляли карелы, немногим более 37 процентов — русские, 0,7 процента — финны. Идеи Октябрьской революции дали мощный толчок развитию национального самосознания карельского народа, проникли в широчайшие народные массы. О национальном составе съезда представителей трудящихся карел Карельской Трудовой Коммуны (1—3 июля 1920 года) говорит такой факт. Из 132 делегатов съезда, ответивших на вопрос «На каких языках говорите?», 107 сообщили, что они владеют карельским и русским языками, 13 — карельским, финским и русским, 11 — только карельским, 1 — карельским и финским (В. И. Машезерский. Победа Великого Октября и образование советской автономной Карелии. Петрозаводск, 1978, стр. 85). На всенародном референдуме карельский народ громадным большинством проголосовал за воссоединение с молодой Советской республикой РСФСР.

Уместно здесь напомнить, что свой первый всенародный референдум в пользу России карельский народ совершил в XVII веке. Не желая находиться под шведским владычеством, карельский народ покинул свои исконные земли, тем самым «проголосовал ногами» за единение с русским народом, русским государством. Так, за сравнительно небольшой период 1627—1635 гг. зарегистрировано 1530 семей беженцев в новгородские и тверские края, а в 1656—1657 годах — 4167 семей, то есть приблизительно всего 30000 человек. Цифра для того времени огромная. Всего же на русскую сторону ушло в XVII веке около 50000 человек.

В феврале 1921 года состоялся первый Всекарельский съезд Советов. В постановлении съезда по национальному вопросу было записано: «Ввиду того, что население имело право обращаться в советские органы на том языке, которым оно пожелает пользоваться, на русском или на карельском (финском), советским органам вменяется в обязанность без замедления принять меры, обеспечивающие им возможность вести свою деятельность на русском и финском языках». Далее съезд указывал, что «основной целью работы ЦНО (отдел народного образования) должно быть поднятие культурного уровня населения Карелии на тех культурных языках, посредством которых это наиболее легко достижимо» и что «такими языками в Карелии для русских является русский язык, для карел — русский и финский языки, в зависимости от того, на каком языке карелы тех или иных мест хотят обучаться» (Ежедн. бюллетень I Всекарельского съезда Советов № 8 от 19 февраля 1921 г., стр. 2).

Второй Всекарельский съезд Советов в октябре 1921 года подтвердил и обосновал постановление предыдущего съезда: «При отсутствии карельской письменности, многообразии наречий и невозможности создания специального карельского литературного языка ведение культурно-просветительной работы среди карельского населения возможно лишь на русском и финском языках в зави-

симости от воли отдельных граждан и их влечения к той или иной культуре» (Ежедн. бюллетень II Всекарельского съезда Советов № 8 от 11 октября 1921 г., стр. 3).

С позиций сегодняшнего дня видна непоследовательность и половинчатость этих решений, определивших национальную политику в республике на несколько лет.

В условиях почти сплошной неграмотности карельского населения, разрухи, вызванной империалистической и гражданской войнами, введение русского и финского языков было необходимым решением. Оно позволяло в более короткие сроки покончить с неграмотностью, приобщить к социалистическим идеям большинство населения. Вместе с тем в постановлении указывалось на «невозможность создания специального карельского литературного языка», что, естественно, не могло не ущемлять национальные чувства карел. Понятия карельского и финского языков смешивались. Этому способствовало и то обстоятельство, что финляндской наукой карельский язык рассматривался как диалект финского языка. Финляндская наука одномерно освещала этногенез карельского народа, и это не могло не повлиять в известной мере на решение языковой проблемы в Карельской АССР.

Руководство карельской партийной организацией и правительством осуществляли финские коммунисты-эмигранты (Э. А. Гюллинг, Я. Т. Мяки, И. А. Ярвисало, Г. С. Ровио, А. Ф. Нуортева), и они способствовали внедрению финского языка в среду карельского населения, искренне считая, что это наиболее рациональный путь приобщения широчайших масс к культуре. Прослойка же карельской интеллигенции была незначительна и не могла повлиять на решение вопроса в пользу карельского языка (В. В. Пименов, Р. Ф. Тароева. Этнические процессы в Советской Карелии. В сб. «50 лет Советской Карелии». Петрозаводск, 1970 г., стр. 234).

В постановлении подчеркивалась необходимость соблюдения добровольности выбора языков, однако на практике при введении финского языка добровольность выбора зачастую нарушалась. Школы в карельских деревнях постепенно переводились на обучение на финском языке. Это вызывало сопротивление населения. В газетах все чаще появлялись материалы, осуждающие искажение национальной политики. Сложилась диспропорция между требованиями усиления преподавания финского языка, исходившими от правительства, и психологической невосприимчивостью основной массы карельского народа.

В 1936 году в республике совершился крутой поворот в языковой политике. Вместо финского в школах начали вводить карельский. Большую роль в теоретическом освещении вопроса, и в частности в аргументированном обосновании необходимости введения в Карелии карельского языка, сыграл Д. В. Бубрих. За короткий период им были написаны работы: «Какой язык тверским карелам?» (М., 1931), «Языковая проблема у карел» («Революция и письменность», 1932, № 1—2 (11—12), с. 38—50), «Карелы и карельский язык» (М., 1932). Поскольку различия между наречиями карельского языка были столь разительны, в основу литературного языка не могло быть положено ни одно наречие. Как писал Бубрих: «Литературный ка-

рельский язык в Карельской АССР должен строиться не на основе какого-либо одного наречия карельского языка, а на основе народного карельского языка в целом. Для литературного языка отобраны и связаны в единую систему явления, наиболее устраивающие всех карел, к каким бы наречиями эти явления ни принадлежали» (Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1937, с. 3).

С задачей Д. В. Бубрих успешно справился. По существу это был уникальный в практике языкового строительства эксперимент, когда в основу письменного литературного языка был положен не один диалект, а в единую систему сводились ведущие черты всех диалектов. За сравнительно короткое время были определены языковые нормы карельского языка, стали выходить буквари, учебники, книги для чтения и другие произведения на карельском языке. Всего было опубликовано свыше 200 изданий различного жанра. Были подготовлены для печати «Карельский орфографический словарь» (301 стр., составитель Е. П. Калино), «Основные правила правописания карельского языка» (с материалом, 227 стр., автор А. А. Беляков), «Русско-карельский словарь» (645 стр.) и другие издания.

Вместе с тем в практической работе по внедрению карельской письменности пришлось преодолевать значительные трудности, связанные с диалектной раздробленностью карельского языка. Не имевший традиций письменности и литературы созданный общекарельский язык отличался от родного говора в каждом карельском селе, что, естественно, приводило к горячим спорам как по правилам грамматики и фонетики, так и по словесному обозначению того или иного понятия. В этих вопросах как никогда необходимы были терпимость и компромиссы со стороны предшественников всех наречий по отношению к созданному литературному языку. В какой-то степени сказывалось отсутствие талантливой личности из среды карельского народа, литературные произведения которого могли бы стать тем кристаллом, вокруг чего выкристаллизовался бы карельский литературный язык.

Вообще следует отметить, что становление и развитие литературных языков наций — это длительный, противоречивый и мучительный процесс. Достаточно сказать, что финский литературный язык в своем становлении как в смысле языковых норм, так и в развитии художественных и эстетических особенностей прошел путь с XVI по XX век. Все развитые литературные языки прошли многовековой путь развития.

Древнейшим памятником связанного текста карельского языка является берестяная грамота, найденная при раскопках в Новгороде. Написанная кириллицей грамота воспроизводит текст заговора: «Юмалануоли 10 нимижки. Нуоли съ хан оли омо боу. Юмола соудьни иохови» («Божья стрела (молния), десять имен твоих. Стрела та она принадлежит богу. Бог судный направляет»). В других грамотах встречаются отдельные карельские личные имена и названия мест.

Печатные издания на диалектах карельского языка появляются в России в начале XIX века. Это были книги духовного содержания. В 1804 году был издан «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на ка-

рельский язык». В 1820 году было напечатано Евангелие от Матфея на тверском диалекте карельского языка. Перевели евангелие священник Г. Введенский и учитель М. Золотинский, хорошо знавшие свой родной язык.

В дальнейшем книги духовного содержания на карельском языке выходили в других изданиях.

Особо следует подчеркнуть подготовленные энтузиастами карельского языка буквари и словари. В 1887 году земство Тверской губернии издало букварь, составленный учительницей А. Толмачевой («Родное карельское. Карело-русский букварь»). В Архангельске в 1894 году была напечатана «Азбука для корелов, живущих в Кемском уезде Архангельской губернии», подготовленная М. Усердовым, Н. Дьячковым и П. Преображенским. В 1908 и 1913 годах были изданы небольшие русско-карельские словари, предназначенные для учителей, работающих в сельской местности. Этим, собственно, и ограничивается издание дореволюционной литературы на карельском языке.

В марте 1940 года в связи с преобразованием Карельской АССР в Карело-Финскую ССР карельский язык повсеместно был отменен и вместо него был введен вновь финский язык. Карельский язык в качестве письменного и литературного прекратил свое существование, не успев закрепить свои языковые нормы. Смена языка не была обусловлена внутренними языковыми процессами. По существу это был политический акт, не учитывающий мнения карельского народа.

В послевоенные годы требование обязательности финского языка в школах республики постепенно ослабевало. В настоящее время финский язык как предмет преподается в отдельных школах республики. Являясь вторым после русского письменным языком, финский язык функционирует среди финского населения республики.

В чем же заключается своеобразие этнической ситуации в Карелии? По материалам Всесоюзной переписи населения 1979 года на территории Карельской АССР проживают представители более 55 наций и народностей. Среди них наибольший удельный вес занимают русские, численность которых составила 522,2 тысячи человек, или 71,3 процента всего населения республики, карелы — 81,3 тысячи человек (11,1 процента), белорусы — 59,4 тысячи (8,1 процента), украинцы — 23,8 тысяч (3,2 процента), финны — 20,1 тысячи (2,7 процента), вепсы — 5,9 тысячи человек (0,8 процента).

Следует отметить, что согласно переписи населения СССР численность карел неуклонно сокращается. Так, за период между переписью 1970 и 1979 года численность карел в КАССР сократилась почти на три тысячи. Такое сокращение в числе прочих причин (смешанные браки, миграции и т. д.) объясняется еще и отсутствием письменности и литературы на родном языке. Для сравнения можно упомянуть, что численность других финно-угорских народов не только не сокращается, но и увеличивается. Тем не менее, несмотря на это сокращение, карельский народ и сейчас является самым большим по численности из всех народов Советского Союза, не имеющих своей письменности.

Письменными литературными языками

в республике являются русский и финский языки. По данным переписи, русский язык в качестве родного или второго языка назвали 728 тысяч человек, или 99,2 процента всего населения. И в то же время данные показывают, что 84,6 процента населения республики считают родным язык своей национальности. Это говорит о высоком уровне этнического самосознания.

Русский язык является единственным в сфере делопроизводства, на русском языке в подавляющей степени развивается искусство и литература. Финский язык функционирует в сфере искусства, на нем издаются две газеты и два журнала, часть писателей пишет свои произведения на финском языке, работает финский драматический театр. Карельский язык является средством общения в сельской местности, около 90 процентов карел в селах может говорить на своем родном языке. О высоком уровне национального самосознания карел говорит тот факт, что 56,6 процента из них хотели бы выбрать для детей свою национальность. По утверждению Е. И. Клементьева, распространение двуязычия среди карел и языковая ассимиляция в ряде случаев как бы стимулирует, повышает интерес к знанию национального языка. Однако эта психологическая установка остается не реализованной.

При исследовании национального вопроса необходимо помнить очень важное методологическое указание В. И. Ленина о том, что «никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой» (В. И. Ленин, ПСС, т. 45, с. 358—359). Проблемы развития экономики, социальных отношений, кадровой политики, культуры, языка, духовной жизни невозможно рассматривать в отрыве от национальных отношений, не учитывая национальные чувства, которые глубоки у каждой нации и народа. Сейчас, в период перестройки, особенно необходимо, чтобы равенство народов было не только конституционно закреплено в политическом и юридическом отношении, но и создавались реальные к тому предпосылки фактического равенства народов, языков, культур. Ибо фактическое неравенство создает «синдром национальной неполноценности» и тем самым оказывает влияние на психологию человека. В своем политическом завещании В. И. Ленин очень тонко и верно подметил эту особенность: «Ничто так не задерживает развития и упрочности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить» (В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 360).

Язык и культура являются наиболее яркими показателями этнической принадлежности народа. В современных условиях активного взаимодействия наций и народностей язык и культура их не могут развиваться замкнуто, обособленно. Но это не ведет к

нивелировке языков и культур взаимодействующих этносов. Каждый язык и культура, заимствуя инородные элементы, творчески перерабатывает их в соответствии с внутренней сущностью своей содержательной и формальной структуры. Не может быть наднациональной культуры. Всякая культура национальна.

Воспринятые, например, карельским народом в незапамятные времена сюжеты русских народных сказок стали частью карельской духовной культуры. В такой же степени в «Калевале» (в русском переводе), этом истинном проявлении карельского национального духа, ищут вдохновения русские деятели культуры — художники, композиторы, поэты.

В целях сохранения и развития национальной культуры карельского народа и усиления общественных функций карельского языка необходимо уже в ближайшее время провести комплекс мероприятий. Первоочередным является воссоздание карельской письменности и преподавания карельского языка в школах с национальным составом. Если в 30-х годах карельская письменность вводилась для ликвидации неграмотности карельского населения, то в настоящее время ее назначение другое. Письменность является одним из главных средств расширения общественных функций карельского языка, поможет кодифицировать нормы языка, даст политический толчок для национальной культуры. Отсутствие письменности на карельском языке и преподавания привело к тому, что национальная культура и главным образом литература развиваются на финском языке. Писатели и поэты Карелии являются выходцами из северной Карелии, владеют собственно карельским наречием карельского языка, наиболее близким к финскому литературному языку. Представителей же южных наречий карельского языка (ливиковского и людиковского), составляющих по численности большинство карельского народа, в литературе, за исключением В. Брендоева и П. Лукина, нет.

Воссоздание письменности на первом этапе необходимо осуществлять на основе ливиковского наречия карельского языка. Это обуславливается не только наибольшей численностью ливиков и их компактным положением. Ливиковское наречие по своим языковым признакам занимает промежуточное положение между собственно карельским и людиковским наречиями. Безусловно, в своем дальнейшем развитии это наречие должно впитать в себя элементы грамматического строя и особенно лексики других наречий. Это один из главных способов структурного и функционального обогащения языка. Не секрет, что финский литературный язык через руны «Калевалы», собранные в Карелии, вообрал в себя значительное богатство карельской лексики.

В дальнейшем, если это будет необходимо, письменность можно было бы в порядке эксперимента ввести в школах северной и средней Карелии на собственно карельском наречии. В практике языкового строительства СССР имеются случаи, когда письменность, литература существуют на двух диалектных основах. Так, в Марийской АССР функционируют два литературных языка: горно-марийский и лугово-восточный марийский, соответ-

ственно в Мордовской АССР — эрзя-мордовский и мокша-мордовский языки.

Воссоздание карельской письменности и преподавание карельского языка в значительной степени поможет лучшему усвоению и преподаванию русского языка в школах с национальным контингентом учащихся. Ученые-психологи доказали, что обучение другому языку через родной является наиболее эффективным.

Часть карельского населения высказывается за введение карельской письменности. О том, что в сфере карельского населения имеется определенная тяга к изучению родного языка, говорят данные социологического обследования. По данным результатов обследования карельского населения в сельской местности Е. И. Клементьева 13,8 процента высказались за введение карельской письменности и преподавание карельского языка. Или результаты опроса в школах республики, проведенного Министерством просвещения КАССР. В 62 школах республики с контингентом детей в 15405 карелы составляют 5252 школьника, или одну треть. Из 2752 опрошенных родителей карельских детей за введение карельского языка высказались 907, то есть 33 процента.

На филологических факультетах Карельского пединститута и Петрозаводского университета необходимо чтение курсов карельского языка и сопоставительной грамматики карельского и русского языков. В пединституте, где производится выпуск учителей для школ республики, необходимо учреждение кафедры карельского языка с набором студентов на карельское отделение.

На страницах журнала «Луналиппу», газеты «Неувосто-Карьяла» и районных газет следует чаще публиковать оригинальные карельские произведения и переводы на карельский язык образцов русской, инонациональной советской и зарубежной литературы. Настало время увеличения количества передач по телевидению и радио (особенно по районному и поселковому радиовещанию).

Понятие национальной культуры широко и многогранно. Сюда входят и национальные ансамбли и народные промыслы. Архитектурой, орнаментом можно придать национальный колорит нашим удручающе однообразным пятиэтажкам. А как мы уродуем (другое слово трудно применить) сложившуюся веками сельскую архитектуру, где ранее в едином сплаве соседствовали и красота и целесообразность! Народная пища, напитки, детские игрушки и игры — все это глубоко национально. Стоит подумать, как народные обычаи и обряды приспособить к современной жизни, наполнив, естественно, новым содержанием.

Трудно найти объяснение, но в нашем главном музее Карелии — Карельском государственном краеведческом музее отсутствует экспозиция по традиционной материальной и духовной культуре карел и вепсов. Учреждение, в котором в наиболее яркой и увлекательной форме можно показать богатство традиций, красоту и своеобразие национальной культуры, не участвует в ознакомлении и пропаганде исконной народной культуры. Уже несколько лет закрыт в музее дореволюционный отдел.

Следует отметить, что в музеях автономных финно-угорских республик постоянно

функционируют прекрасные экспозиции, живо рассказывающие о национальной культуре и истории своих республик.

Большая роль в пропаганде истории и культуры края принадлежит школе. Где, как не в школах, можно в яркой доступной форме рассказывать об истории и культуре нашего края, формировать чувство патриотизма и любви к своему краю.

Во все времена чувствовался большой спрос на краеведческую литературу. Сейчас, когда особенно обостренно мы ищем «свои корни», раскрываются «белые пятна» истории, потребность в такой литературе неизмеримо выросла. Здесь и фольклорные произведения (сказки, предания, песни), и книги по истории края, отдельных городов и многое другое, что входит в емкое понятие — краеведение. Выпуск такой литературы является прямой задачей издательства.

Трудно переоценить роль Института ЯЛИ в развитии национальной культуры. Собственно, в этом видится одно из главных его предназначений. Здесь и подготовка учебников, словарей, хрестоматий по национальным языкам, популярных пособий по истории края, материальной и духовной культуре, обычаям народов и многое другое.

Безусловно, мероприятия по сохранению и развитию карельской национальной культуры ни в коей мере не должны снижать работу по функционированию финского языка и культуры. Это основывается не только на устоявшихся традициях, но и диктуется в известной степени соседством с дружественной Финляндией. Карельский и финский — это близкородственные языки, их объединяет генетическая общность культуры. Они связаны общей историей.

В условиях этнического разнообразия в нашей республике чрезвычайно важно поддерживать и развивать культуру национальных отношений. На уровне межличностных отношений эта культура должна проявляться в уважительном отношении друг к другу представителей разных национальностей. На государственном уровне совершенствование культуры национальных отношений заключается в предоставлении каждой национальности, народности равных фактических возможностей для реализации своих потребностей в национальной культуре, будь то духовная культура или материальная. Только таким образом мы можем достигнуть интернационализма в международных отношениях. Не может быть интернационального без национального.

Все народы нашей страны добровольно, без принуждения приняли русский язык в качестве языка международного общения. Но мы не можем считать себя настоящими интернационалистами, если не будем знать язык,

культуру, историю того народа, не будем относиться уважительно к культурным ценностям народа той республики, в которой живем.

На практике же часто можно слышать даже от живущих в Карелии такие вопросы: «Кто такие карелы?», «Имеют ли карелы свой язык?» и другие подобные.

Национальной политике народов Советского Союза очень навредила продуцируемая отдельными научными кругами теория о слиянии в скором времени языков и народов. Мы вынуждены сейчас расплачиваться за недоучет национальной психологии, приверженности каждого человека к своей национальности. В этой связи высказывают серьезные опасения так называемые сверхинтернационалисты или наднационалисты, призывающие к быстрейшему слиянию наций и народностей. По существу это есть национальный нигилизм. «Мимикрируя под интернационализм, — как пишет Ч. Айтматов, — он столь же реакционен, как и сам национализм. Ибо провоцирует его. А те, кто молчаливо поддерживают торопыг-нигилистов, способствуют обострению национальных отношений» («Лит. газета», № 171, 20.06.1987 года).

Деформация национальных отношений начинается только тогда, когда смещаются или нарушены социальные принципы. Только этим можно объяснить возникающие у нас так называемые «национальные вопросы».

«Когда происходит вспышка шовинизма или национализма, всегда полезно приглядеться, кто ее организовал, кому позарез надо отвлечь людей от собственных неблагоприятных делишек, прикрыть свои грехи или даже преступления «кознями» другой нации. Межнациональная рознь, подозрительность, вражда настолько противоречат интересам простых людей, честных тружеников любой нации, что «самовозгорание» национализма, думается, просто исключено» (А. Нуйкин. Идеалы или интересы. «Новый мир», 1988, № 2, стр. 223).

История оставила нам уникальное достояние в виде разнообразия рас, культур, языков. И наша задача заключается в бережном сохранении этих проявлений человеческого духа. Неотъемлемым признаком культуры современного человека, его поведения, наряду с экологией природы, должны быть «экология этносов» и «лингвистическая экология». Уместно здесь напомнить высказывание академика Д. С. Лихачева о том, что генетический фонд культуры народов мира постоянно сокращается. Он призвал нас приложить все усилия, чтобы спасти сокровища культуры. Важнейшая задача стоит перед нами — сохранить и передать грядущим поколениям своеобразие языков и культур современных народов.